

А. В. ХРЯКОВ

Г. ГЕЙМПЕЛЬ

ЛИЧНОЕ ПОКАЯНИЕ И «ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОШЛОГО»

Немецкий медиевист Г. Геймпель (1901–1988), активно сотрудничавший в годы «третьего рейха» с нацистскими властями, после Второй мировой войны призвал немецкое общество признать собственную вину за преступления Гитлера. Используя категории «вины», «памяти», «ответственности», он предложил свой вариант взаимоотношений исторической науки и исторической памяти, который выражается в концепте «преодоления прошлого».

Ключевые слова: Г. Геймпель, немецкая историческая наука, память, вина, покаяние, «преодоление прошлого».

В одном из своих послевоенных интервью немецкий историк Петер Рассов заявил, что «вопросы вины – это не вопросы историков». По его мнению, вина (Schuld) – это понятие морали, религии, но никак не научной истории, которая в отличие от обыденной речи имеет дело с понятием причины¹. Для первых послевоенных лет в Германии такие слова, как вина и искупление, были редкими гостями в общественном дискурсе нации. За исключением философа Карла Ясперса практически нельзя встретить статусных интеллектуалов обращавшихся к этой проблеме². Напротив, преобладала тенденция рассматривать гитлеровский режим как природное бедствие, катаклизм, возникновение которого не зависит от воли и желания людей. По мнению большинства писавших о прошедших годах, Германия и ее интеллектуалы были «втянуты» (verstricken) и наглым образом «использованы» (mißbrauchen) нацистами. Странников Гитлера сравнивали с бандитской шайкой, совершенно чужеродным элементом, не имевшим корней в национальной истории. Исходя из этого, общество представлялось обманутой жертвой, ставшей добычей пришедших из ниоткуда насильников, а сама Германия объявлялась «оккупированной страной». Желание сделать акцент на непричастности к деятельности преступного режима, подчеркнуть собственное противостояние нацистским властям вполне понятны. Нежелание беречь прошлое, конечно же, проистекает как из стремления частных лиц предстать перед новыми властями в роли непричастных, так и из обще-

---

¹ Цит. по: Berg. 2003. S. 220.

² Jaspers. 1946. О позиции К. Ясперса более подробно см.: Борозняк. 2001.

го желания поскорее забыть собственный «сон разума» – слишком велика была плата за «очарование Гитлером».

Ситуация экономического чуда начала 1950-х гг. также не располагала к самобичеванию: на фоне колоссальных успехов в восстановлении экономики сомнений в целесообразности проделанного страной пути вообще не возникало. Тем интересней обращение к данной проблематике ровно через десять лет после поражения гитлеровской Германии. Нельзя не отметить, что споры по поводу метафоры вины, а также связанных с ней понятий искупления, исцеления, очищения и, кроме того, примирения и ответственности, обладали в Германии 50-х гг. чрезвычайной актуальностью и не только в историографии.

Одним из первых, кто способствовал включению в орбиту профессиональной историографии морально-нравственных категорий являлся медиевист Герман Геймпель (1901–1988). Он не только был единственным признанным историком Германии, призвавшим немецкую нацию покаяться в своем поведении при нацистах, но также предложил мыслительный концепт «преодоления прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*), позволивший связать негативное прошлое с настоящим³. Геймпель предпринял попытку так определить историческую науку и память, чтобы живая память и профессиональная наука снова смогли сойтись.

Видимо, впервые категорию «непреодоленного прошлого» употребил ученик Геймпеля, его ассистент по работе в университете Страсбурга историк Герман Мау (1913–1952), который в своей речи 1952 г. развернул критику произошедшего до сих пор в Германии «духовного преодоления недавнего прошлого»⁴. Трагическая гибель в автомобильной катастрофе не позволила ему наполнить яркое выражение научным содержанием. Понятие «преодоление прошлого» было открыто для научной историографии, что позволило ему стать важным связующим звеном между частной жизнью и общественно-политической сферой.

Геймпель, как и большинство его коллег-историков, сам долгое время уклонялся от того, чтобы обратиться к недавней истории своей страны. В письме первому председателю Союза немецких историков Г. Риттеру по поводу предстоящей поездки на международный съезд историков в Париже в 1950 г. и выработки общей стратегии поведения, он писал: «Я не готов позволить экзаменовать себя в Париже, ни из-за моего собственного характера, ни из-за моего отношения к национал-

---

³ О значении Геймпеля в становлении концепции «преодоления прошлого» см.: *Wenke*. 1960. S. 66–70; *Kohlstruck*. 1997. S. 13–20; *Борозняк*. 1999. С. 36.

⁴ Герман Мау – второй после Г. Кроля директор Института современной истории в Мюнхене. Об истории института см.: *60 Jahre Institut für Zeitgeschichte...*

социализму. Я видел бы в этом невыносимое фарисейство, тем более, когда в Париже мы встретимся с коллегами из народов, которые не имеют совершенно никаких причин нас в чем-то упрекать»⁵. Здесь немецкий историк выступает решительно против того, чтобы, как он пишет, «обсуждать личное». И в данном случае он имеет в виду не только себя, но и других представителей научного сообщества, в том числе своего кумира М. Хайдеггера, под руководством которого он работал во Фрайбургском университете в 1933 г. Геймпель неодобрительно отзывался о тех, кто стремился осудить великого философа, не понимая, что «высокоодаренный дух в переломную эпоху может ошибаться»⁶.

Вне всякого сомнения, первоначальное отторжение дискурса покаяния являлось защитной маской для наступившего внутреннего раскаяния. Начавшуюся у историка в 1945 г. и повторявшуюся в последующем неоднократно депрессию (о ней сообщают его ученики) можно рассматривать как симптом изменения личного отношения к случившемуся. Толчком к внутреннему раскаянию, по всей видимости, послужило известие о судьбе близких ему людей. Речь идет о его первом университетского профессоре Зигмунде Гелльмане (1872–1942), а также его студенческом друге Арнольде Бернее (1897–1943). И Гелльман, и Берней были евреями, что во многом и предопределило их трагическую судьбу в нацистской Германии. Неслучайно Г. Геймпель сделал этих некогда близких ему людей действующими лицами своего фантастического описания «пивного путча», свидетелем которого он был⁷.

Вплоть до 1933 г. Гелльман являлся профессором Лейпцигского университета, но в соответствии с параграфом 3 закона «О восстановлении профессионального чиновничества» от 7 апреля 1933 г. был уволен по расовым мотивам. В ситуации с Гелльманом поражает его удивительная пронизательность относительно своей судьбы и то спокойствие, с которым он эту судьбу встретил. В письме Геймпелю от 26 июля 1932 г. Гелльман профессор пишет: «В середине месяца (август) я думаю отправиться в Штарнберг (если конечно после 31 числа меня не ожидает концлагерь), возможно, мы могли бы тогда встретиться там или в Мюнхене»⁸. Письмо было написано за несколько дней до выборов 31 июля 1932 г. в Рейхстаг, в ходе которых нацистская партия одержала свою ошеломляющую победу, став самой крупной фракцией в парламенте. И даже несмотря на относительную неудачу нацистов на ноябрь-

---

⁵ Цит. по: Berg. Op. cit. S. 245.

⁶ Matthiesen. 1993. S. 1225.

⁷ Heimpel. 1981. S. 521–525.

⁸ Heimpel. 1995. S. 151.

ских выборах 1932 г. Гелльман прекрасно осознавал к чему все идет. Встречая вместе со своим учеником новый 1933 год, Гелльман в очередной раз выступил в качестве пророка: «Вы увидите, обратился он к Геймпелю, в начинающемся сегодня году, я больше не буду преподавать, и Вы бы тогда стали для меня лучшим преемником»⁹. К сожалению, пророчество уважаемого профессора исполнилось в полной мере: после отстранения Гелльмана от преподавания, его место занял Геймпель, отказавшийся от профессорской должности в родном Фрайбурге.

Жизнь Гелльмана стала для Г. Геймпеля, по словам одного из его учеников, «воплощением судьбы, набросившим свою тень на его собственную судьбу»¹⁰. В некрологе, составленном к десятой годовщине смерти учителя, Геймпель написал: «В ставшем самой ужасной реальностью кошмарном сне, который гуманисту и присниться никогда не мог, в лагере Терезиенштадт, 7 декабря 1942 г. умер Зигмунд Гелльман, покинутый всеми нами и совершенно одинокий в массовой судьбе»¹¹. В 1981 г. в день празднования своего восьмидесятилетия Геймпель в очередной раз коснулся судьбы трагически погибшего учителя. «Мой предшественник по кафедре в Лейпциге одиноко умер в Терезиенштадте среди массы измученных. В Мюнхене он был моим учителем, а я часто высказывал ему свое почтение, так долго, пока не было риска»¹².

С Арнольдом Бернеем Геймпель познакомился во Фрайбурге весной 1922 г. на одной из лекций Г. фон Белова. Их дружба продлилась около десяти лет. Берней был сыном зажиточного виноторговца «иудейской веры» и будучи на четыре года старше Геймпеля, как и многие евреи Германии (вспомним того же Канторовича), принимал участие в Первой мировой войне. Именно своему новому другу Геймпель впервые рассказал о «пивном путче» 8 ноября 1923 г. в знаменитой пивной Мюнхена Бюргербройкеллер. Письмо Геймпеля к Бернею с описанием случившегося, видимо, не сохранилось, но по ответу Бернея (он в этот момент находился во Фрайбурге для подготовки к докторским экзаменам) можно предположить, о чем шла речь в их взаимной переписке.

Именно на основе анализа этого письма современные биографы Бернея и Геймпеля делают вывод об одобрительном отношении Геймпеля к национал-социалистам задолго до их прихода к власти¹³. В своем письме старший товарищ в ответ на упрёки оправдывается перед Гейм-

---

⁹ Ibidem.

¹⁰ Fleckenstein. 1989. S. 28.

¹¹ Heimpel. 1995. S. 147.

¹² Heimpel. 1981. S. 42.

¹³ Oexle. 2000; Sommer. 2004.

пелем: «ты не можешь нас считать равнодушными, здесь также некоторые держат кулаки в кармане»¹⁴. Берней не только высказал свое отношение к идеологии «национального социализма», но сумел связать философско-исторический анализ гитлеровского движения со своей собственной судьбой, выступив фактически, как и Зигмунд Гелльман, в роли пророка, чье предсказание исполнилось в полной мере.

Главной цели национального социализма, а именно государственному подавлению капитализма, очищению хозяйственного этоса с помощью идеи действительно народного, сословно выстроенного государства, я не могу сказать ничего кроме своего фанатичного “Да” <...> Это “Да” настолько сильно, что оно заглушает боль от того, что это движение является антисемитским, должно быть антисемитским <...> и что оно хочет растоптать меня».

На следующий день Берней, дописывая свое письмо, сделал совершенно паразитическое замечание: «Совершенно наполненный тем самым “Да” я прожил эту ночь. Я видел новое, очень чистое, высшее немецкое будущее. Тут мне неожиданно пришло на ум, что я еврей. Я подумал, они же изгонят тебя, они лишат тебя твоей профессии. И это не вызвало ничего кроме улыбки. Они могут меня убить, и я должен это одобрять, когда я знаю, что они это делают с чистотой и невинностью. Если они благодаря этому уничтожению приобретут силу, то я хочу быть уничтоженным, потому что я их. Так я остался радостным и все еще остаюсь»¹⁵.

По всей видимости, А. Берней переживал те же чувства, что и большинство немецких интеллектуалов еврейского происхождения того времени. Несомненно, являясь патриотами своей страны, защищая ее на фронтах войны и отдавая ей весь свой литературный талант, они готовы были порвать со своей еврейской идентичностью, стремясь полностью раствориться среди других и стать «немцами». Геймпель вспоминал, как «однажды в своей комнате, он (Берней) умоляюще сказал мне, что ему нужно пройти всего один метр до полной немецкой сущности и этот метр якобы мог ему подарить только я, из-за нашей безусловной дружбы. Он лежал на своем диване, а я, от страха став циничным, разглядел только дырки в его носках»¹⁶. Это горькое откровение, произнесенное много лет спустя, как нельзя лучше демонстрирует, что стремление таких людей, как Т. Манн, В. Клемперер, Э. Канторович и многих других еврейско-немецких мыслителей, быть полезными своей родине наталкивалось на непреодолимую стену страха немецкого общества.

Уже весной 1933 г. Берней был уволен из университета на основании все того же закона «О восстановлении профессионального чинов-

¹⁴ *Matthiesen*. 1998. S. 21.

¹⁵ *Ibid.* S. 21–23.

¹⁶ *Heimpel*. 1995. S. 157.

ничества», не помогло ни участие в мировой войне, ни заступничество профессора Г. Риттера. Геймпель не принял никакого участия в судьбе своего уже бывшего друга. В своих воспоминаниях о Бернее, Геймпель пишет: «для него речь больше не шла о последнем метре до совершенного немца, скорее о долгом и тяжелом возвращении в еврейство»¹⁷. Уехав из Фрайбурга А. Берней, преподавал в учебном заведении для евреев в Берлине, откуда в 1938 г., сразу после трагической «хрустальной ночи», эмигрировал в Палестину, где и умер через пять лет.

Впервые тема вины и стыда, а также истории и настоящего сошлись воедино в романе Г. Геймпеля «Скрипка 1/2», посвященном собственному детству, проведенному в Мюнхене¹⁸. Свои воспоминания немецкий историк стал писать зимой 1944–45 гг., в ночь на Рождество в геттингенском доме известного историка З. А. Келера, который приютил многочисленное семейство Геймпеля, срочно бежавшего из Страсбурга. Книга Геймпеля написана в традициях немецкого «романа воспитания» (*Bildungsroman*), чьи лучшие образцы связаны с эпохой Просвещения и «Вильгельмом Мейстером» Гете. Воспоминания обращаются к счастливым детским переживаниям героя (Эрхарда) накануне Первой мировой войны, историк демонстрирует мир семейного порядка, устойчивость и неизменность фамильных норм и ритуалов, в число которых входят посещения церковей и многочисленных мюнхенских картинных галерей, путешествия в горы и послеобеденные игры с друзьями и, конечно же, регулярные занятия скрипкой.

Но вся эта идиллия рушится в одночасье вместе с первыми залпами войны. Не имея возможности по возрасту попасть на фронт, Эрхард проходит все этапы не фронтовой военной жизни, вступая сперва в «Баварское общество обороны»¹⁹, затем в «Юношеский штурмовой отряд»²⁰, а уже после окончания войны – в «Баварский добровольческий корпус» (фрайкор) под командованием Эппа²¹. Роман Геймпеля, написанный сразу же после Второй мировой войны, отразил в себе переходный характер эпохи между двумя грандиозными мировыми конфликтами. Именно поэтому мир детских воспоминаний историк описывает

---

¹⁷ Ibid. S. 162.

¹⁸ *Heimpel*. 1965. Несмотря на многочисленные переиздания, в целом воспоминания немецкого историка так и остались невостребованными. К сожалению, если не принимать во внимание отдельные рецензии, книга не стала предметом пристального внимания немецких историков.

¹⁹ *Heimpel*. 1965. S. 209.

²⁰ Ibid. S. 259.

²¹ Ibid. S. 284–285.

как-то меланхолично, выражая его потерю одной емкой фразой «Мир утонул»²². Только помня об этом можно понять мотивы Геймпеля, обратившегося к своим детским и юношеским воспоминаниям. Главный герой «романа воспитания» выступает не просто как один из многочисленных свидетелей событий, он превращается в медиума, в котором пересекаются прошлое и будущее всего мира. По словам М. М. Бахтина, обращавшегося к жанровым особенностям подобных произведений, герой таких романов «<...> уже не внутри эпохи, а на рубеже двух эпох, в точке перехода от одной к другой. Этот переход совершается в нем и через него. Он принужден становиться новым, небывалым еще типом человека. Дело идет именно о становлении нового человека; организующая сила будущего здесь поэтому чрезвычайно велика, притом, конечно, не приватно-биографического, а исторического будущего. Меняются как раз *устои* мира, и человеку приходится меняться вместе с ними. Понятно, что в таком романе становления во весь рост встанут проблемы действительности и возможности человека, свободы и необходимости и проблема творческой инициативности»²³.

В мире стремительных перемен, техники и прогресса, живым воплощением которых в романе является отец главного героя – уважаемый железнодорожный инженер, единственным спасением становятся занятия историей. «Об истории в доме Штенгелей не говорили. Прошлого не существовало. Хорошо. Отец ненавидел акты и старые письма, слишком много воспоминаний, рухлядь и пыль <...> Поскольку прошлое не способствовало прогрессу, отец о нем думал легко и немного иронично»²⁴. Совершенно иное восторженное отношение к истории у Эрхарда, в образе которого предстает сам будущий историк, его интересует «собственное в другом, настоящее в прошлом, свое в чужом, история, время, примиряющее время»²⁵.

В романе Геймпель пытается найти свое истинное «Я», себя, еще не обремененного сотрудничеством с нацистами, забывшим, а где-то и предавшим близких людей. Таким он был в детстве и юности, в родительском доме в Мюнхене. Вернуться к своему незапятнанному прошлому может помочь только память. «Дух открывает дорогу домой благодаря памяти. Чем же является человек? Человек это сущность, обладающая памятью. Ангелы не имеют памяти, так как они видят Бога.

---

²² Ibid. S. 277.

²³ Бахтин. 1979. С. 214–215.

²⁴ Heimpel. 1965. S. 164–165.

²⁵ Ibid. S. 176.

У людей есть память, потому что они знают о Боге, но не видят Его, находясь на пути к нему. Их пути – это дороги к себе, а именно к своему происхождению, туда, где они действительно у себя, а именно к Богу»²⁶. Память дана потомкам Адама и Евы в качестве наказания за их отречение от Бога, чтобы они помнили о своей вине и смогли вернуться. Таким образом, человеческая память выступает в двоякой ипостаси: с одной стороны, она является вечным проклятием, с другой – это благо, выступающее залогом возвращения человека домой, к Богу. Память о потерянных друзьях это наказание, жить с которым категорически невозможно, и чтобы избавиться от собственных нравственных мучений, чтобы преодолеть собственное прошлое, Геймпель обращается к истокам, надеясь таким образом помириться с собственной совестью.

Как бы пытаясь ответить на вопросы «с чего же все началось?» и «как стала возможной нынешняя катастрофа?», историк воспроизводит события своей юности, когда он стал свидетелем гитлеровского «пивного путча» 1923 г. Написанная специально для романа воспоминаний глава «Сон в ноябре» должна была стать завершающей частью книги, но, по настоянию жены, была опубликована много позже отдельным изданием. Конечно, воспоминания Геймпеля мало что дают для реконструкции событий самого «пивного путча», да и не в этом их ценность и самое главное изначальное предназначение. Геймпель не столько пересказывает событийную канву произошедшего в Бюргербройкеллере, сколько описывает свои впечатления от увиденного.

Воспоминания о реальных событиях перемежаются здесь с фантастическими видениями. Инициатор посещения известной пивной, друг и коллега отца историка, относившийся к нему с симпатией, считал, что молодому человеку подобает интересоваться политикой, и как бывший офицер полагал, что политический интерес может быть «исключительно патриотическим и верноподданническим», имея ввиду, конечно же, не республиканское правительство Германии, а консервативное правительство Баварии во главе с Густавом фон Каром. Именно в момент выступления последнего «раздался пистолетный выстрел». «Всем шесть!!». «Голос поразил лучше, чем выстрел. Почти все тотчас сели <...> Пистолет был в руках бледного человека, которому было около тридцати лет. Он выглядел моложе, несмотря на свои усики»²⁷. Штурмовики выпустили посетителей пивной лишь после того, как Гитлер объявил состав нового национального правительства. «Полицайпрезидент – Зайссер. Военный

---

²⁶ Ibid. S. 155.

²⁷ *Heimpel*. 1981. S. 522–523.

министр – фон Лоссов. Министр внутренних дел – фон Кар. Генерал Людендорф (зал взорвался аплодисментами) – командующий новой немецкой армией. Эрхард почувствовал слабость в желудке. Диссертация должна быть готова прежде, чем он умрет». Историк выбрался на улицу, но и здесь было неспокойно.

«Бушевали старые и новые песни, развевались непривычные флаги. Маршировало СА. Яростные лица <...> Подле штурмовиков горели факелы. Они плясали над городом».

Эрхард взял факелы в свой сон. Они полыхали. Огонь нужно было бы лучше оберегать <...> За рабочим залом скрипела половица. Там находится каталог. Библиотекари разговаривали. Над ними висела надпись “Favete linguis” (помолчите). Вдруг появился Берней. Он кое-что понимает в жизни. Нужно его спросить. Ты знаешь как сгорает книга? Книги вообще не горят. Пока нет. Они тлеют. Конечно же, при сильном жаре они все же сгорят.

Становится все горячее. Там на столах лежат книги, раскрытые. Корпус латинских надписей. Сейчас взмывает вверх один лист. Он большой и черный. <...> Корпус горит. На той стороне, над фолио стоят Ежегодники немецкой истории. Огонь их не охватил, они дымятся. О Господи! Почему позволяешь Ты гореть книгам. Корпус горит. Моммзен горит. О Господи! Чем они провинились. Гизебрехт горит, все горят, старательные и уважаемые, они изумлены и страдают в огне. Падает полка. Она сгорает. Огонь получил пищу. Acta Sanctorum (Деяния Святых) высоко вверху на галерее, после месяцев систематизации. Тридцать восемь фолиантов падают подкошенными. Святые горят. О Господи! Ноябрь еще не кончился.

На другой стороне зала стоят журналы. Здесь протекает черновая работа науки, говорит Гелльман. Черновая работа горит. Зашатался Минь. Patrologia latina. Patrologia graeca (Писания учителей Церкви, латинских и греческих). Патрология грохнулась на Баварскую историю, где стоит Rieds Codex diplomaticus Ratisbonensis (Собрание документов основателя церкви в Регенсбурге). Искры льются, поднимаются как туман. Каталог дымится.

Галереи продолжали гореть. Отчаянно парил через огненный ветер белый лист. На них стоит «Lexica». Настольная лампа искривилась, лампочка лопнула. Каталог дымился. Эрхард стоял в центре рабочего зала. Он схватился за остаток Брентановых Регест императоров Салиев и Штауфенов. Это был единственный экземпляр. Слышишь, единственный! Там, справа от кафедры смотрящего, зал округлился <...> И теперь он вращался. Огненный зал вращался. Библиотека вращалась. Эрхард стоял с императорскими документами. Ему было холодно. Здесь ледяной воздух, нет крыши <...> Рухнула стена журналов. После тишина. Favete linguis²⁸.

Перед нами не что иное, как художественный образ конца света. Если вспомнить последнюю главу романа «Ослепление» нобелевского лауреата по литературе Элиаса Канетти, а также «Имя Розы» Умберто Эко, пожар в библиотеке является ярким символом уничтожения целого

²⁸ Heimpel. 1981. S. 524.

мира. Но здесь помимо основополагающих для любого медиевиста книг, представлены и дорогие историку люди: Гелльман и Берней. Факелы штурмовиков, из-за которых, в сущности, и возник пожар, были принесены из страшной ноябрьской реальности 1923 г. в собственный сон самим Эрхардом, самим будущим историком. Он собственноручно уничтожил свой прежний мир, а вместе с ним и своих друзей.

Раскаяние для Геймпеля не было одноактным действием, связанным, как считают критики, исключительно с его стремлением стать в 1950-е гг. президентом Федеративной республики. Одна из дочерей после похорон Геймпеля нашла на его рабочем столе «Малый катехизис Мартина Лютера», изданный в 1986 г., за три года до смерти историка.

Многочисленные подчеркивания, перечеркивания и пометки свидетельствуют как об интенсивности чтения, так и о спорах с текстом. Документ в целом подтверждает еще раз, каким мучительным образом Герман Геймпель в конце своей жизни занимался основополагающими религиозными вопросами. На титульном листе им было написано: “но имею ли я силу, полагаться на милость Господа?”. В молитве “Отче наш”, в свою очередь, единственным ярко выделенным предложением было место о прощении грехов (**Und vergib uns unsere Schuld**, – добавление мое *A. X.*) В “Символе веры” рядом с предложением о Всемогущем Боге дважды написано слово “Auschwitz” (Освенцим)²⁹.

Конечно, столь личный документ, сохранивший к тому же совершенно частные раздумья, трудно оценивать. Мысли, даже не произнесенные вслух, не записанные, а всего лишь отмеченные незадолго до смерти в тексте религиозного документа, ничего не скажут с научно-исторической точки зрения. Но с точки зрения перспектив исторической памяти эти записи на полях Библии позволяют расшифровать смысл предложенного Геймпелем способа «преодоления прошлого», состоящего из религиозного осмысления и осознания вины. Геймпель с трудом выработал позицию христианского раскаяния, толчком к чему послужило уничтожение близких людей, что побудило его к ревизии собственной интеллектуальной позиции. И Геттинген, где после войны обосновался Геймпель, был предназначен для этого лучше, чем любой другой интеллектуальный центр Германии. Рассказывая о своих студенческих годах, историк Аннелизе Тимме вспоминала какой «новый и отличный шанс» здесь получило христианство, когда на послевоенные проповеди местных профессоров теологии стекались массы народу, «так что не всегда можно было занять место, если прийти не вовремя»³⁰.

²⁹ *Perlitt*. 1989. S. 59.

³⁰ *Thimme*. 1997. S. 191.

В одном из своих интервью, записанном 1 января 1956 г. и ставшем впоследствии основой для текста «Новый 1956 год» Геймпель задается вопросом «Чего мы ждем от нового года?»³¹. В небольшом по объему выступлении историк затронул наиболее актуальные для Германии того времени проблемы: взаимоотношения государства и гражданина, разделение Германии и надежда на ее воссоединение и, прежде всего, соотношение истории и памяти. «Без памяти, по мнению историка, а точнее без отчета, годы являются ничем, только лишь грудой отживших и поношенных календарей (Terminkalender), записи в которых мы очень скоро перестанем понимать. Новый год требует нашей памяти»³². Его слова обращены, прежде всего, к «чуждым истории людям» с их желанием забыть «трудности немецкой истории последних двадцати лет». Но как раз эти годы и должны, «просто обязаны» быть задачей нашей памяти. «Данная работа памяти преодолевает характерную для нашей современности очень сильно затененную опасность забывчивых вытеснений. Было бы хорошим занятием в новом году собрать воедино все глупости, соглашения с властью и кроткую реакцию на изменяющийся дух времени, все, что в последние двадцать лет говорили или печатали. Так как мы все, каждый по-своему, стали виновными и остались ими, поскольку смерть – господин последних десятилетий – нас пощадила». Воспоминания становятся формой покаяния, формой осознания вины. Только это одно сможет «исцелить болезнь нашего времени», поможет «преодолеть непреодоленное прошлое. Только так мы станем, наконец, свободными, мы, которые до самого конца так и не освободились от своего прошлого и от своих заблуждений»³³.

В своих работах Г. Геймпель не говорит о себе лично, собственные промахи так и остались не названными, на что многократно указывали его оппоненты, но, тем не менее, данная стратегия парадоксальным образом содействовала рождению темы личного стыда. И даже несмотря на то, что собственное поведение в те годы оставалось за рамками подобного осмысления, важным являлось персональное проговаривание отношения к произошедшему. Послевоенные тенденции демонизации нацизма вообще и Гитлера в частности, отвергавшие любые попытки осмыслить нацистское прошлое, впервые сменились размышлениями над ним. Конечно, признание личной вины и стыда ничего не давало для понимания конкретной истории «третьего рейха» и его преступле-

---

³¹ *Heimpel*. 1956. S. 86–91.

³² *Ibid.* S. 87.

³³ *Heimpel*. 1956. S. 87.

ний, оно вело, прежде всего, к осмыслению собственной персоны в очень широком нравственно-религиозном контексте.

Пожалуй, главную роль в преодолении прошлого, по мнению Геймпеля, играет историческая наука, именно она сегодня является главной хранительницей памяти, а значит единственной сохранившейся у человека гарантией возвращения к своим истокам: в детство, в родительский дом, наконец, к Богу. «Историческая наука, для немецкого историка, является научно дисциплинированной памятью человека»³⁴. Современный мир постоянных изменений радикально отличается от мира прошлого. Если в XIX в. Ницше страдал от избытка научно воспринимаемой истории, призывая к забвению, то XX веку, по мнению Геймпеля, угрожает недостаток прошлого. «Живем ли мы в историческое время? – задается вопросом историк»³⁵. Ответ неутешительный: современный человек склонен к забывчивости, он страдает от «паралича памяти». «Забывчивость – это цена, которую человек платит за то, что подчинил себе Землю. Забывчивость идет от скорости. Но не только скорость делает нас забывчивыми. Мы забываем историю, потому что слишком много пережили и должны пережить. Человек обладает склонностью и способностью, в смысле своего жизнеобеспечения, забывать. И особенно виновные – мы, виновные – не охотно вспоминают. Это барьер между нами и прошлым – барьер вины, не известный нашим либеральным предкам»³⁶. «Глобальный, планетарный характер всей новейшей и будущей истории» призывает сегодня мыслить исторически и дает шанс профессиональной науке стать памятью современного общества. Так история в концепции Геймпеля выполняет функцию «умиротворения настоящего», «она не только познающая, понимающая, но также примиряющая память человека»³⁷, с которой связано решение и чисто утилитарных проблем. «Только знание об ужасах прошлого поможет нам смотреть в глаза его страхам, чтобы их преодолеть»³⁸.

Задача современного исторического знания – не освобождение от тяжелого наследия прошлого, но напротив – замена потерянных неосознанных связей сознательной наукой³⁹. И Геймпель не понаслышке знал к чему приводит «паралич памяти», стремление поскорее забыть неудобное прошлое, подкорректировать его или создать взамен ему не-

---

³⁴ *Heimpel*. 1957. S. 211.

³⁵ *Heimpel*. 1959. S. 3.

³⁶ *Ibid.* S. 5.

³⁷ *Ibid.* S. 25.

³⁸ *Ibid.* S. 23.

³⁹ *Heimpel*. 1957. S. 218.

жизнеспособную химеру – через все это в 1930–40-е гг. прошел не только он сам, но и большинство членов исторического цеха Германии. «Немецкий историк ищет сегодня почву и реальность с особой самоотдачей, после того как его достаточно жестоко одурачила ужасающая связь романтики и реальной политики. Историк служит настоящему не романтически, но исторически понятой действительностью <...> Мы учитываем не только то, что прошлое обязано настоящему, настоящее также имеет долг в отношении прошлого, долг памяти, управляемой историком. Память делает людей гуманнее, история и историческая наука в этом смысле являются элементами гуманности»⁴⁰.

На съезде историков в Ульме в 1956 г. Г. Геймпель обратился к понятиям вины и причины в ремесле историков, но в отличие от П. Рассова выразил их соотношение совершенно противоположным образом, не разделяя их, а напротив – устанавливая между ними очень строгую корреляцию, имеющую к профессии историка самое прямое отношение. Говоря о произошедшей после Второй мировой войны «перемене значения фактов», он отмечает возникновение в исторической науке «совершенно закономерной трехходовки», когда историки должны исходить из «вопросов морали» и продвигаться через «вопросы причины» к «вопросам структуры»⁴¹. Геймпелю удалось сделать свои публично не проговариваемые внутренние переживания необходимым и общезначимым элементом трансформации национальной историографии, в которой морально-нравственные вопросы являются необходимым условием успешного функционирования. «Ведь в истории, по словам историка Рейнхарда Виттрама, речь всегда идет о вине, она является тайным мотором, поддерживающим механизм в рабочем состоянии, зачастую спрятанный, но всегда действующий, собственный *Perpetum mobile* мировой истории»⁴².

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
- Борозняк А. И.* «Неудобный господин Ясперс», или О политической ответственности интеллигенции // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 5. М., 2001. С. 178–186.
- Борозняк А. И.* Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999. 288 с.
- Berg N.* Der Holocaust und die westdeutschen Historiker. Erforschung und Erinnerung. Göttingen: Wallstein, 2003. 766 s.

⁴⁰ *Heimpel.* 1959. S. 25.

⁴¹ *Heimpel.* 1957. S. 206.

⁴² *Wittram.* 1958. S. 17.

- Fleckenstein J.* Gedenkrede auf Hermann Heimpel // In memoriam Hermann Heimpel. Göttingen, 1989. (Göttinger Universitätsreden. H. 87.)
- Heimpel H.* Aspekte. Alte und neue Texte / Hrsg. von S. Krüger. Göttingen: Wallstein, 1995. 464 s.
- Heimpel H.* Die halbe Violine. Eine Jugend in der Haupt- und Residenzstadt München. München, Hamburg: Siebenstern-Taschenbuch, 1965. 302 s.
- Heimpel H.* Geschichte und Geschichtswissenschaft // *Heimpel H.* Der Mensch in seiner Gegenwart. 2. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1957. S. 196–220.
- Heimpel H.* Neujahr 1956 // *Heimpel H.* Kapitulation vor der Geschichte? Gedanken zur Zeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. S. 86–91.
- Heimpel H.* Reden gehalten am 19. Oktober 1981 in der Aula der Georg-August-Universität in Göttingen zur Feier des 80. Geburtstags von Hermann Heimpel am 19. September 1981 / Hrsg. vom Max-Planck-Institut für Geschichte. Göttingen, 1981. S. 41–47.
- Heimpel H.* Traum im November // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Bd. 32. 1981. S. 521–525.
- Heimpel H.* Über Geschichte und Geschichtswissenschaft in unserer Zeit. Vortrag, gehalten auf der 8. Vortragsveranstaltung der Niedersächsischen Landesregierung am 19. Februar 1959. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1959. 28 s.
- Jaspers K.* Die Schuldfrage. Heidelberg: Lambert Schneider, 1946. 106 s.
- Kohlstruck M.* Zwischen Erinnerung und Geschichte. Der Nationalsozialismus und die jungen Deutschen. Berlin: Metropol, 1997. 316 s.
- Matthiesen M.* Gerhard Ritter. Studien zu Leben und Werk bis 1933. Egelsbach, Köln, New York: Hänssel-Hohenhausen, 1993. 1310 s.
- Matthiesen M.* Verlorene Identität. Der Historiker Arnold Berney und seine Freiburger Kollegen 1923–1938. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. 131 s.
- Oexle O. G.* «Zusammenarbeit mit Baal». Über die Mentalitäten deutscher Geisteswissenschaftler 1933 – und nach 1945 // Historische Anthropologie. 2000. Heft. 1. S. 1–27.
- Perlitt L.* Ansprache zur Trauerfeier für Hermann Heimpel am 3. Januar 1989 in der Universitätskirche St Nikolai in Göttingen // In memoriam Hermann Heimpel. Göttingen, 1989. (Göttinger Universitätsreden. H. 87.)
- Sommer K. P.* Eine Frage der Perspektive? Hermann Heimpel und der Nationalsozialismus // Historisches Denken und gesellschaftlicher Wandel. Studien zur Geschichtswissenschaft zwischen Kaiserreich und deutscher Zweistaatlichkeit / Hrsg. von T. Kaiser, St. Kaudelka, M. Steinbach. Berlin: Metropol, 2004. S. 199–226.
- Thimme A.* Geprägt von Geschichte. Eine Außenseiterin // Erinnerungsstücke. Wege in die Vergangenheit. Rudolf Vierhaus zum 75. Geburtstag gewidmet / Hrsg. von H. Lehmann, O.G. Oexle. Wien, Köln, Weimar: Böhlau 1997. S. 153–223.
- Wenke H.* «Bewältigte Vergangenheit» und «Aufgearbeitete Geschichte» – zwei Schlagworte, kritisch beleuchtet // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Bd. 11. 1960. S. 66–70.
- Wittram R.* Das Interesse an der Geschichte. Zwölf Vorlesungen über Fragen des zeitgenössischen Geschichtsverständnisses. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1958. 178 s.
- 60 Jahre Institut für Zeitgeschichte / H. Möller, U. Wengst. München: Oldenburg, 2009. 204 s.

Хряков Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; alexchryakov@yandex.ru